

Василий Брусянин

Около барина

Ни живые – ни мёртвые

Василий Брусянин

Около барина

«Public Domain»

1904

Брусянин В. В.

Около барина / В. В. Брусянин — «Public Domain», 1904 — (Ни живые – ни мёртвые)

«Раньше всех в доме вставали, обыкновенно, денщики Ткаченко и Звонарёв, рядовые ...ского кавалерийского полка. Помещались они в небольшой тёмной конурке, которая когда-то специально была устроена для прислуги. Нанимая квартиру, полковник Зверинцев поставил хозяину дома неременное условие, чтобы часть громадной кухни в три окна отделить дощатой перегородкой. Искусные плотники сделали перегородку, доходившую до потолка, прорубили в ней узкий продолговатый четырёхугольник и вставили в него раму с матовым стеклом. В этой полутёмной и узкой конурке стояли две железные койки, небольшой столик и сундуки, принадлежавшие денщикам. Тут же у стены, составленные друг на друга, стояли пустые господские корзины и чемоданы, а на стене висела маленькая детская ванна, в которой уже давно перестали купать полковницкого сына, умершего года два тому назад...»

© Брусянин В. В., 1904

© Public Domain, 1904

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Василий Брусянин

Около барина

I

Раньше всех в доме вставали, обыкновенно, денщики Ткаченко и Звонарёв, рядовые ...ского кавалерийского полка. Помещались они в небольшой тёмной конурке, которая когда-то специально была устроена для прислуги. Нанимая квартиру, полковник Зверинцев поставил хозяину дома неперемное условие, чтобы часть громадной кухни в три окна отделить дощатой перегородкой. Искусные плотники сделали перегородку, доходившую до потолка, прорубили в ней узкий продолговатый четырёхугольник и вставили в него раму с матовым стеклом. В этой полутёмной и узкой конурке стояли две железные койки, небольшой столик и сундуки, принадлежавшие денщикам. Тут же у стены, составленные друг на друга, стояли пустые господские корзины и чемоданы, а на стене висела маленькая детская ванна, в которой уже давно перестали купать полковницкого сына, умершего года два тому назад.

Рядом, в кухне, за ситцевым пологом стояла кровать Федоры, кухарки за повара, бабы лет пятидесяти, рябой, ворчливой и своенравной. Между нею и денщиками возникали постоянные недоразумения. Баба третировала солдат на каждом шагу, называла их «деревенщиной», а себя «благородной кухаркой» и изредка наговаривала на них барыне разные небылицы. А так как барыня любила кухарку, видимо, ценя в ней кулинарные способности, то солдаты не на шутку побаивались Федоры, покорно исполняли её приказания, по вечерам бегали в винную лавку за «мерзавчиками», а потом, когда кухарка опоражнивала крошечные бутылочки, выслушивали её бесконечное ворчанье и даже обидную брань. Больше всего доставалось Ткаченко, так как ему чаще Звонарёва приходилось сталкиваться с ворчливой бабой.

Свои обязанности денщики выполняли по точному правилу разделения труда. Высокий, стройный и красивый Звонарёв жил в качестве лакея. Во время завтрака, вечернего чая и обеда он накрывал стол, подавал самовар или кушанья, бегал по звонку отпирать на подъезд дверь, по утрам убирал комнаты и вместе с тем исполнял разные поручения барина и барыни. Коренастый, сильный, но менее поворотливый Ткаченко считался «кухонным мужиком» и состоял при Федоре. На его обязанности лежала вся чёрная кухонная работа, которую он обязан был кончать по утрам или вечерам, когда спит отец полковника Зверинцева, отставной капитан Тихон Александрович.

Отставной капитан был старик шестидесяти семи лет. Крепко сложенный, плечистый, но лысый и седой, с худым морщинистым лицом, трясущимися руками, он десять лет тому назад лишился ног, и с тех пор богатырский организм его борется со смертью. Его, лишившегося способности передвижения, усадили в кресло-коляску, приставили к нему неизменного слугу-денщика, и при этих условиях догорала бесполезная и никому не нужная жизнь. Больной, нервный и страшно раздражительный старик отравлял существование близких – сына и его жены, заедал жизнь чужих здоровых людей, которые покорно служили ему, и небо медлило разрешить эту задачу-недоразумение. В тайне друг от друга и от посторонних и сын и невестка просили небо ускорить своё решение; Ткаченко и Звонарёв, напротив, часто беседовали между собою на эту тему и ждали, скоро ли умрёт больной старый барин. Особенно Ткаченко интересовался этим вопросом. Он согласился бы удесятерить работу на кухне, взялся бы за какой угодно труд, лишь бы только не быть около больного барина, лишь бы только не нести этой каторжной жизни, от которой он уставал и душой и телом.

С восьми часов утра начиналась эта скучная, однообразная жизнь, и так весь день до позднего вечера. Иногда и ночью, заслыша звонок спросонья, он как сумасшедший срывался

с койки, наскоро одевался и спешил в маленькую, душную и скучную комнату, где теплилась, не потухая, бессмысленная жизнь калеки...

Убравшись по кухне, стряхнув с мундира пыль и чисто начисто вымыв руки, Ткаченко уходил в свою полутёмную комнатку, усаживался на кровати и ждал, когда задребезжит звонок над его головою. В эти скучные минуты ожидания уже никто не смел беспокоить солдата или отвлекать его какой-нибудь работой, потому что опоздать на зов больного барина – значило подвести всех живущих в доме, не исключая и полковника с женою.

Заслышав звонок, Ткаченко бежал на зов, стараясь держаться на носках, так как по коридору ему приходилось проходить мимо спальни, где почивали полковник с полковницей.

Ежедневно и аккуратно около восьми часов утра Тихон Александрович просыпался; не поднимаясь с постели, протягивал свою худую, жёлтую, поросшую волосами руку к кнопке электрического звонка, и суровые, ещё заспанные глаза вперял в дверь. Беззвучно появляясь в комнате, Ткаченко подходил к постели барина, брал в руки графин с водою, которая запасалась, обыкновенно, с вечера, и, налив стакан, подавал барину. Пока капитан, верный своим привычкам, пил воду, Ткаченко должен был поднять на окнах шторы, слегка приотворить форточку и подкатить к постели громадное, тяжёлое кресло, утверждённое на крепких железных осях и на трёх колёсиках.

Выпив воду, капитан умывался при помощи денщика, утирал лицо, шею и руки грубым полотенцем, потом молился, размашисто крестясь и шепча молитвы, и одевался. После этого Ткаченко приподнимал с постели барина и усаживал его в кресло-коляску, закутывая ноги тёмно-коричневым плюшевым пледом. Если капитан просыпался, что называется, в хорошем расположении духа – всё это проделывалось в глубоком молчании. Слышалось только тяжёлое и свистящее дыхание барина, да сопение Ткаченко. После же тяжёлых и неприятных сновидений или вследствие каких-либо других неблагоприятных и неведомых причин, капитан просыпался сердитым, – как бы скоро ни явился к нему Ткаченко, первой фразой его при виде солдата было:

– Осёл! Скотина!.. Звонишь, звонишь... Что ты там с кухарками всё да с горничными возишься? Или дрыхнешь?

Не признавая за собою вины, Ткаченко обижался на такое вступление, но, верный требованиям дисциплины, молчал. Иногда и Ткаченко просыпался, видимо, после неприятных сновидений или так почему-либо был раздражён, и тогда, выслушивая напрасные нападки барина, не в силах был сдержать накопившуюся злобу и сухо отвечал: «Никак нет».

– Что «никак нет»?.. Что?.. Молчать! – кричал барин. – Сбрось с меня одеяло! Да тише ты!.. Тише хватай своими лапищами-то, – ещё громче кричал капитан.

Ткаченко осторожно стаскивал с барина одеяло, стараясь не встречаться с его злыми глазами и отстраняя собственный нос от лица Тихона Александровича, так как изо рта калеки-человека отвратительно пахло.

– Болван... «Никак нет», – ворчал между тем барин, вытягивая руки и стараясь продеть их в рукава сюртука. – Как сегодня на дворе? – уже другим тоном спрашивал капитан.

– Хмарно, ваше высокоблагородие.

– Холодно?

– Никак нет, ваше высокоблагородие.

Капитан усаживается в кресло, а Ткаченко подкатывает коляску к окну, причём колёсики немилосердно скрипят.

Благодаря этому скрипу, у Ткаченко была большая неприятность в первый же день появления его у полковника Зверинцева в качестве постоянной прислуги. Немощный и раздражительный Тихон Александрович как больное дитя был донельзя капризен, шепетилен относительно своих привычек и до самозабвения выходил из себя, если что-нибудь делалось не так, как он любил. Капитану нравилось, что колёсики его подвижного кресла скрипят: это был

каприз его больной души, схимницы больного тела. Ткаченко, напротив, не понравился скрип и визг колёсиков, и вечером первого же дня, уложивши барина спать, он отвинтил гайки и смазал оси салом. Делая это, он в тайне думал даже угодить барину, который по первому впечатлению показался ему сердитым, но вышло наоборот.

Утром, когда Ткаченко катил коляску с барином в столовую к завтраку, капитан заметил, что колёсики не скрипят, и что было мочи крикнул:

– Стой!.. Это что такое? Что это?..

Расширив недоумевающие глаза, Ткаченко взглянул на барина и испугался его позеленевшего лица и злых глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.